

* * *

Он поморщился и потер запястья — с них сняли оковы, но легче не стало. Боль, затаившаяся глубоко внутри, проснулась от грубых прикосновений и теперь, ничем не сдерживаемая, терзала его израненные руки. Только не застонать! Не доставить им такого удовольствия.

Хотя стражникам безразлично. Разных пленников они приводили в мрачное подземелье, но подобных ему тут еще не бывало. Он бог и даже, наверное, бессмертен... Но в этом он уже сомневался. Если бы все было именно так, зачем ему тело, как у простых смертных, которое можно терзать и мучить?

Цепи с оглушительным грохотом рухнули на каменный пол. Странно: за минувшие дни он с ними почти сроднился, привык к сковывающей тяжести, из-за чего приходилось продумывать каждое движение, предупреждая взрывы боли из-за любого неловкого жеста.

Зато это отвлекало от безрадостных мыслей, а они гораздо тяжелее оков и цепей. Физическая боль заглушала душевную, не позволяя срываться

в бездну безумия — он с трудом удерживался на краю, стараясь не вглядываться в манящую темной пропасть.

Последние преграды сняты. В теле — когда-то сильном и ловком, а теперь будто чужом и уязвимом — странная легкость. Лишь нуют освобожденные щиколотки и запястья, на которых четко выделяются следы от оков. Отчего у него, сурового северного бога, такая нежная кожа? Слово он рожден поэтом или музыкантом, а не воином.

Впрочем, военное искусство — тоже не его стезя. Он прославился не тем, не за это сейчас и расплачивается. А ведь когда он был нужен, никто не гнушался прибегать к его услугам! А потом, получив требуемое, благородные и справедливые герои презирали и отвергали его. Когда же понадобилось скрыть свои деяния, от него предпочли избавиться.

Могли бы убить — убили бы. Но не так-то просто лишить его, равного, вечного существования. А чтобы обречь на вечные муки, много мужества не надо. И особенного умения не требуется — они знают, как причинить ему боль, и с удовольствием делают это. Облегчение, которое он испытывает сейчас, — небольшая передышка перед тем, что ему уготовано впереди.

Глава 1

СЛОВАРНЫЙ ДИКТАНТ

Я прислушалась и обвела пассажиров автобуса подозрительным взглядом. Никто не обращает на меня внимания, но вдруг это только кажется? Я аккуратно вытащила наушники и с облегчением убедилась, что все в порядке — они не отошли, звук идет мне в уши, а не оглашает пространство.

Со мной этого еще ни разу не случилось, но доводилось слышать истории от других: люди замечали проблемы со звуком, но не догадывались проверить разъем, лишь прибавляли громкость, продолжая шокировать окружающих. Подобная перспектива вызывала у меня панику, отравляя удовольствие от прослушивания музыки или просмотра роликов. Я постоянно дергалась, сканируя местность вокруг, и проверяла штекер, умом понимая, что тем самым только увеличиваю вероятность расшатать его и создать себе проблемы на ровном месте.

Аккуратно пристроив наушники обратно — просто неудобно вставила и поправила, ничего странного, я попыталась вернуться к видео. Автобус не метро, тут не так шумно, но слышно все

равно было плохо. Я прибавила громкость на пару делений и тут же испуганно оглянулась: орет только у меня в ушах, окружающим точно не слышно?

Знаю, что существует другой тип наушников — через них часть звука заведомо слышна снаружи, и никогда не понимала их владельцев. Этих милых людей совсем ничего не смущает? Даже если доносится не мелодия, а басы или, наоборот, унылый электронный писк. Мне бы хоть четверть их самоуверенности и пофигизма!

Автобус плавно причалил к конечной остановке. Пассажиры, чинно сидевшие и стоявшие на своих местах, как по команде, пришли в движение, словно решив телепортироваться наружу одновременно. Я обычно подхожу к дверям загодя и выскальзываю в первых рядах, но сейчас отвлеклась на возню с наушниками и оказалась в числе последних. Хорошо, что выхожу из дома заранее и никогда не опаздываю. Если вдруг не упадет метеорит, конечно.

Я перебралась в метро, аккуратно свернула на наушники и вместе с телефоном убрала в сумку — здесь все равно ничего не услышишь, а немое изображение не очень вдохновляет. Но отсутствие приятного времяпрепровождения мне не грозило: любой уважающей себя студентке с филологического всегда есть что почитать. Самое начало учебного года, а нас уже снабдили длиннющим списком обязательного чтения по отечественной литературе, и еще предстояло получить такой же по зарубежной. С русской классикой все было более-менее ясно — имена авторов и названия произведений нам хоть о чем-то говорили, — а вот с

зарубежкой все могло оказаться значительно загадочнее и неожиданнее.

— Хай! — услышала я сквозь грохот поезда и подняла глаза.

Надо мной возвышался Пашка Торопов, мой однокурсник.

С чего вдруг я удостоилась его внимания? Торопов парень незаурядный — высоченный, с копной густых темных волос и широким открытым лицом, не красивым в классическом понимании, но по-своему привлекательным.

Мы познакомились год назад, первого сентября. Я, наивная восторженная первокурсница, направлялась в университет в счастливом предвкушении. Радость после новости о зачислении немного улеглась — тем более после всей нерво-трепки, связанной с поступлением, сил на нее практически не осталось. Зато во мне поселилось ожидание яркой и увлекательной студенческой жизни, о которой я была так хорошо слышана.

А пока я стояла перед стендом в коридоре, с изумлением изучая расписание грядущих лекций нашего курса.

— Практическая грамматика — это типа русский? — не сдержавшись, вслух возмутилась я.

— Похоже на то, — неожиданно согласился стоявший рядом со мной парень.

— Все по новой? — поморщилась я. — Да не может быть! В школе учили-учили, на экзаменах сдавали, и опять!

— Не опять, а снова, — хмыкнул он. — Никуда от русского не денешься.

В тот момент я даже предположить не могла, что колоритный здоровяк — мой однокурсник. Откуда, скажите на милость, подобным персонажам взяться на филфаке?

Но когда я зашла в аудиторию и удобно устроилась за столом у стены, парень уверенно плюхнулся рядом, лишь для проформы небрежно поинтересовавшись:

— Не занято здесь?

Свободных мест вокруг было полно, и мое сердце слабо трепыхнулось — неужели я ему понравилась?

Сама-то я известный тормоз и тугодум, ни о каких чувствах с первого взгляда даже не помышляю. Мне нужно присмотреться, узнать человека получше и как следует подумать, прежде чем на что-то решиться. Именно поэтому такой напор со стороны незнакомого парня скорее обескураживал, заставляя заподозрить неладное. Тут явно дело нечисто!

Больше мы с ним не разговаривали: вскоре началась наша первая в жизни лекция. Да, здесь все не так, как в школе, где первого сентября никаких уроков обычно не бывало — целый день отводился на раскачку после каникул и постепенное вхождение в учебный ритм с классными часами, выдачей учебников и прочими развлекательными мероприятиями.

В университете с нами явно никто не собирался носиться, как с писаными торбами. Небольшое собрание во дворе факультета, короткая напутственная речь декана перед выставленным на крыльцо микрофоном — вот и все торжества по случаю нашего счастливого поступления. Я просто физи-

чески чувствовала, как с моего лица постепенно сползает дурацкая восторженная улыбка, с которой я явилась сюда с утра пораньше, полная самых радужных надежд. И наблюдала подобное недоуменное выражение у окружающих меня молодых людей обоих полов — конечно, с подавляющим преобладанием женского.

И потом — стоит в среду четыре пары? Получите все четыре в полном объеме и можете не расписываться. А первой — та самая практическая грамматика.

— Меня зовут Татьяна Александровна Кочерешкина, — представилась нам невысокая миловидная дама пенсионного возраста, уютно пухленькая и совсем не ассоциировавшаяся в моем представлении с образом сурового вузовского преподавателя.

В классе — то есть в аудитории — раздались невнятные смешки, но дама и бровью не повела.

— Да, интересная фамилия, — охотно согласилась она. — Прямо с нее можно начинать изучение русского языка. Что такое, по-вашему, «кочережка»?

Новоявленные студенты задумались, хотя ответ лежал на поверхности и был прост, как вареное яйцо.

— Маленькая кочерга? — предположила невысокая щупленькая девушка.

Она выглядела совсем девчонкой. Остальные смотрелись ненамного старше, но она не тянула даже на старшеклассницу.

— Совершенно верно, — подтвердила Кочерешкина. — И по правилам русского языка это слово

пишется через букву «ж», а моя фамилия — нет. Как вам, наверное, известно, к ним правила орфографии не применяются. Похоже, когда-то в давние времена один из писцов ошибся, и с тех пор моя фамилия приобрела свой нынешний вид. Такой парадокс!

Изрядно обалдевшие первокурсники молчали, не находя в себе сил разделить ее энтузиазм.

— Наш предмет называется «практическая грамматика», — покончив с представлением, перешла к сути Татьяна Александровна. — Мы с вами будем изучать правила и исключения, орфографию и пунктуацию нашего родного русского языка...

Все окончательно сникли. Хорошо хоть не добавила «великого и могучего»!

— Опять? — вдруг делано ужаснулся сидевший рядом со мной парень. — В школе учили-учили, а теперь по новой?

Я сжалась и непроизвольно отодвинулась, чтобы меня не приняли за его соратницу. Я точно не стала бы спорить с преподавателем на первой же лекции! Если совсем откровенно, я вообще не собиралась никому из них возражать даже в случае откровенной неправоты.

— А вот что вы учили, мы сейчас проверим! — как будто обрадовалась обладательница заковыристой фамилии. — Берем листочки и ручки, пишем словарный диктант.

По рядам пронесся отчетливо уловимый вздох. И здесь начинается то же самое!

— А если нет листочка? — не унимался мой сосед, который, кажется, никак не мог отделаться от сохранившегося со школьных времен имиджа последнего двоечника.

Но такой ерундой Кочерешкину, явно закаленную многолетним общением со вчерашними школьниками, было не пронять.

— Не беда, у кого нет, я раздам, — провозгласила она. — Пишущие принадлежности, надеюсь, у будущих филологов имеются?

Ручки нашлись у всех, и мы со вздохом принялись за набившую оскомину писанину. Впрочем, диктант оказался не очень сложным — по моим прикидкам, на уровне класса восьмого. Ни одно слово не вызвало у меня особенных затруднений, я машинально выводила их на листочке, успевая поглядывать по сторонам. Все усердно строчили, включая моего соседа.

Я скосила глаза на его листок и ужаснулась: такого количества ошибок не видывала давно, с тех пор как в средней школе от меня отсадили завязатого двоечника Леху Смирнова. «Черезчур» — написал парень, и спасибо, что хотя бы не через «ю»! Моим первым побуждением было указать ему на ошибку, но я заметила остальные слова и поняла, что исправлять надо буквально все.

Тем не менее он проявил явную симпатию, мне это польстило, и я загорелась желанием помочь, но случайно подняла глаза и наткнулась на внимательный изучающий взгляд Кочерешкиной. Дама явно была не так проста, как хотела показаться! Подставляться на первой же лекции мне явно не улыбалось. Я вздохнула и уткнулась в свой листок, не успев ничего подсказать бестолковому парню.

Оставалось загадкой, как он умудрился сдать ЕГЭ и поступить на филологию с такими позна-

ниями в русском, а также зачем ему это вообще нужно. Впрочем, на разгадку его личности времени уже не было. Преподавательница закончила диктант так же неожиданно, как и начала, резво пробежалась по рядам, собирая листочки, — для занятий по практической грамматике курс поделили на небольшие группы, — и стала грузить нас правописанием одного и двух «н» в суффиксах прилагательных и причастий.

И это первого сентября на первом курсе филфака! Полный зашквар. Похоже, мое мнение разделяли остальные — у всех на лицах были написаны разочарование и даже обида. Стоило потратить столько сил и нервов на поступление в вуз, чтобы снова оказаться в школе!

Пара длилась бесконечно долго, и когда она наконец закончилась, мы не могли поверить своему счастью. Как-то недобро и неласково встретил нас в первый день универ!

Я опасалась, что на перемене придется о чем-то разговаривать с новым знакомым — уже успела выяснить, что его зовут Павел Торопов, — но он сразу куда-то испарился, оставив у меня легкое чувство разочарования. На следующей лекции мы переместились в другую аудиторию, и больше он рядом со мной не садился, хотя я предусмотрительно выбирала свободные места.

Через день я встретила Пашку на выходе из метро и без всякой задней мысли подошла поздороваться.

— Привет, — искоса глянув на меня, бросил Торопов и вдруг припустил вперед с космической скоростью.

Я даже остановилась — больше от неожиданности, чем от обиды. Что это сейчас было? Парень сам ко мне подошел, проявил, так сказать, инициативу, а теперь шарахается, как от чумы, не в состоянии преодолеть в моем обществе несколько сотен метров.

Впрочем, долго переживать я не стала, поздравив себя, что дело не успело зайти дальше обычного знакомства. От непонятных и непредсказуемых личностей лучше держаться подальше — и хорошо, что это проявилось сразу, а не позже, когда мы, возможно, успели бы ощутить друг к другу привязанность...

Ну и фантазия у меня: вечно бежит впереди паровоза! Вчера только познакомились, а я уже чуть ли не свадьбу планирую. Торопов просто однокурсник, точка. На этом и остановимся.

С тер пор мы с Пашкой встречались исключительно в универе и не перебрасывались даже парой фраз. Специально я его не избегала — так получалось само собой, словно между нами возникла невидимая преграда.

И вот теперь, спустя год после той странной и глупой истории, Торопов как ни в чем не бывало подкатывает ко мне в метро и радостно здоровается! Не послать ли его куда подальше вместе с его «приветом»?

Конечно же, я, благовоспитанная девочка, этого не сделала, а осторожно и очень вежливо — лишь самую малость издевательски — ответила:

— Здравствуй.

Посмотрим, что ему на этот раз нужно. А послать никогда не поздно.

* * *

Он не считал дни, проведенные в заточении, хотя для его изоциренного ума это не составило бы труда. К чему вести учет времени, если впереди вечность, полная боли и страданий? Он никого не видел и ни с кем не разговаривал, но это не тяготило его: зачем собеседники, ведь ему все равно никто не верит? Всем выгодно считать его чудовищем и коварным убийцей — что ж, он не будет никого разочаровывать. К чему жалкие оправдания? Он до них не опустится.

Ему приносили нехитрую еду — совсем не к такой он привык на божественных пирах, но какое это теперь имеет значение? Утром передавали принадлежности для умывания — ему, богу! Но он послушно ел и умывался, как простой смертный. Он не испытывал никаких неудобств, но если тело, подобное человеческому, требует ухода, почему бы его не обеспечить?

Даже сквозь каменную стену он чувствовал страх стражника-эйнхерия, стоящего по ту сторону. Вот глупец, чего бояться, если он уже давно мертв? Опасается, что его заберут из чертогов

Вальгаллы, где бушуют постоянные битвы, а потом устраиваются роскошные пиры и воинам прислуживают валькирии, и навечно приставят сторожить в темнице опального бога? Но стражники каждый день менялись, а страх он чувствовал один и тот же. Он горько усмехнулся: бесстрашные воины, павшие в бою, боятся его, пришельца из иного мира. Какая же слава идет о нем там, за пределами этого каменного подземелья?

Дни и ночи сменяли друг друга незаметно: в его темнице всегда царил полумрак. О наступлении утра он догадывался по грохоту ключей в замках и тяжелым шагам в коридоре. Но сегодня все было иначе. За стеной явно появились не только стражники — он чувствовал привычный страх и... что-то еще. Новое ощущение, которому он не мог дать определения.

Он не желал признаваться даже самому себе, насколько взволновал его этот неожиданный визит. Кто же решил почтить его своим присутствием? Ту единственную, которой он был безразличен, сюда бы точно не пустили, да он и не спутал бы ее ни с кем другим — как можно забыть исходившие от нее волны тепла и нежности? А больше друзей у него нет... Кого же из врагов он сейчас увидит?

Глава 2

ВАЛЬКИРИЯ НА ПЕНСИИ

— Как дела? — светским тоном продолжал Торопов.

Ничего себе! Давно ли его мои дела интересуют?

— Нормально, — осторожно отозвалась я и спросила: — А у тебя?

Проклятое воспитание! Никак послать не получается.

— И у меня норм, — ответил он, чуть замялся и наконец перешел к сути: — Можно тебя о помощи попросить?

— По практической грамматике подтянуть? — невинным тоном предположила я. — Напомнить, как пишется «чересчур»?

Я не злопамятная, просто злая, и память у меня хорошая.

— Ты о чем? — сбился Пашка, но лишь на мгновение. Его оказалось не так-то легко столкнуть с мысли. — А, нет, ты чего! Мы же ее еще в прошлом году сдали.

— И ты сдал? — делано удивилась я.

— Ну да, сдал, а что? — пожал плечами Торопов. — На тройк и не с первого раза, но сдал же в итоге... Я по другому вопросу.

— Какому? — вздохнула я, поняв, что так просто от него не отвяжешься.

Пашка оглянулся, поморщился и, видимо, счел вагон метро, переполненный утренними пассажирами, недостаточно подходящим местом для разглашения своей страшной тайны.

— Слушай, давай не здесь и не сейчас?

— А где и когда? — вздохнула я. — По дороге в универ?

— Да сколько там той дороги!

— Просьба такая сложная?

Он вдруг замялся:

— Вечером пересечемся в спокойном месте?

Вот это поворот!

— Ты приглашаешь меня на свидание? — прямо спросила я.

Весь мой прошлогодний трепет перед Тороповым испарился без следа — я поняла, что могу разговаривать с ним совершенно спокойно и даже нахально.

— Можно и так сказать, — вынужденно согласился он.

Еще бы — я ведь фактически приперла его к стенке.

— А ты в курсе, что у меня парень есть? — с еле заметной угрозой в голосе поинтересовалась я.

Это было не совсем правдой, точнее, совсем неправдой, но как аргумент могло подействовать.

— Рад за тебя, — съязвил Торопов, легко уловив изменение моего настроения и поэтому не выдержав просительного тона. — Но это тут вообще при чем? Я же по делу.

— Ладно, — сдалась я. — Говори, где и во сколько.
— Дай телефон, позже скину время и место, — деловито кивнул Пашка, словно мое согласие было само собой разумеющимся.

Я, будто находясь под гипнозом, послушно продиктовала цифры. Он набрал мой номер и проследил, чтобы я сохранила его определившийся в электронной памяти. А когда двери вагона с грохотом разъехались на нашей станции, Торопов просто кивнул мне на прощанье и скрылся на платформе, протиснувшись мимо стоящих у дверей пассажиров. У него был такой целеустремленный вид, что все перед ним невольно расступились, словно сами не собирались выходить.

Я настолько удивилась, что едва не забыла покинуть вагон. И что это сейчас было, позвольте узнать? Взял телефон и убежал? Ему только это и требовалось? Идти рядом с ним по улице я по-прежнему недостойна? Ну, Торопов, никуда я с тобой не пойду и ни о чем разговаривать не буду, а тем более не стану помогать. Иди ты, сам знаешь куда...

Так я распалая себя, шагая к университету. Мало что напоминало о наступившей осени: деревья стояли зеленые, на клумбах колосились цветы, под ногами не шуршали облетевшие листья. Впрочем, листья сейчас нигде, кроме парков, не найдешь: на улицах и бульварах они, кажется, даже до земли долететь не успевают, прямоком с веток планируют в черные полиэтиленовые мешки, навевающие неприятные ассоциации с тщательно запакованными трупами.

Какие трупы, о чем я? Встреча с Тороповым на меня так подействовала, что теперь я все вижу в негативном свете. Надо немедленно выбросить из головы эту чушь и номер его удалить, а на звонки с неопределяющихся я все равно никогда не отвечаю, и пусть хоть пишет, хоть звонит...

Я, конечно, ничего не удалила и явилась на первую пару в абсолютно расстроенных чувствах. Правда, мне все же удалось не опоздать — не подвела привычка всегда выходить с запасом времени.

Войдя в аудиторию, куда вяло стекались мои однокурсники, я проследовала за парту, где мы традиционно устраивались с подругой Леной. По сторонам я не смотрела: почему-то казалось, что все провожают меня взглядами, хотя кому я нужна? Едва усевшись и поставив сумку, я перевела дыхание и осторожно осмотрелась — Торопова в аудитории не было. Интересно, куда он направил свои стопы вместо лекции? Неужели приезжал только для того, чтобы встретиться со мной и договориться о встрече?

До сих пор странная история выглядела чем-то вроде забавного розыгрыша, а сейчас по спине вдруг пробежал неприятный холодок. Во что меня собирается втянуть этот парень? Ведь им явно движет не романтический интерес. Зачем я согласилась с ним встретиться? Впрочем, точной договоренности нет, и можно все переиграть...

— Привет! — Ленка влетела перед самым звонком и бухнула сумку на стол. — Что у нас первой парой?

Учебный год начался совсем недавно. Подруга, как и я, не успела запомнить новое расписание и полезла в телефон.

— Сейчас посмотрим... Так, зарубежная литература, доцент Одинокова М. В.

— Какая-какая? — удивилась я.

— О-ди-но-ко-ва, — по слогам прочитала она.

— Ну и фамилия!

— Она мне ни о чем не говорит, — вздохнула Ленка.

— Мне тоже, — призналась я. — Хотя нет, погоди — что-то напоминает, вернее, кого-то... Вроде была героиня с этой фамилией...

— Не помню, — задумалась она.

— А, вспомнила! — просияла я. — В «Острове ржавого генерала», только там Одинокая! Светлана Одинокая.

— Где-где?

— Фильм такой есть по книге Кира Булычева.

— Про Алису?

— Ну да, Селезневу.

— Наша, видимо, не совсем одинокая, — усмехнулась Ленка и поинтересовалась: — Что за литература? Каких времен?

Я заглянула в расписание:

— Не указано. Логично, если по хронологии, как и отечественная.

— В прошлом году у нас античная была, — припомнила Ленка и произвольно поежилась.

Я вполне разделяла ее чувства: чтение гомеровских «Илиады» и «Одиссеи», а также «Энеиды» Вергилия в полном объеме оставило у нас неизгладимые впечатления.

— И что там дальше по хронологии? Какие века?

Наша увлекательная беседа вынужденно прервалась. Раздался звонок, и вместе с ним в аудиторию вплыла дама — иначе ее было трудно назвать. Высокая, статная, величественно прямая, вся в черном. Длинные светлые волосы стянуты в тяжелый узел на затылке, в лице угадываются суровые северные черты — про такие в романах пишут, что они будто высечены из камня. Она выглядела полной противоположностью Кочерешкиной, с которой мы благополучно распрощались в прошлом учебном году, весьма довольные друг другом. Впрочем, уверенно можно говорить только за себя — у Торопова наверняка остались противоположные впечатления.

В аудитории воцарилась непривычная тишина. Дама невозмутимо прошествовала за кафедру, положила на нее журнал и неторопливо раскрыла его.

— Доброе утро! — поздоровалась она звучным низким голосом, который удивительным образом гармонировал с ее внешностью. — Позвольте представиться: Мария Владимировна Одинокова, доцент кафедры зарубежной литературы. В этом семестре я буду вести у вас курс литературы Средних веков.

Мы с Ленкой обменялись понимающими взглядами. Ответ на вопрос, которым мы совсем недавно задавались, звучал неплохо, даже интригующе. Хотя о чем конкретно идет речь, лично я не имела ни малейшего представления. Мои познания о Средних веках в целом и их литературе

в частности были весьма туманны и обрывочны. Похоже, однокурсников одолевали сходные эмоции: по аудитории витало с трудом скрываемое недоумение.

Впрочем, оно быстро развеялось: хлопнула входная дверь, и на пороге показалась Катька Жаркова — та самая девчонка, год назад отвечавшая Кочерешкиной про маленькую кочергу.

— Здравствуйте, можно войти? — брякнула она и, не дожидаясь разрешения, проследовала к своей парте, стягивая куртку.

Мадам Одинокова — почему-то хотелось называть ее именно так — проводила опоздавшую студентку презрительным взглядом.

— Настоящая леди никогда не раздевается на ходу, — неожиданно прокомментировала она.

Катька замерла на полпути и втянула голову в плечи.

— Даже перчатки не снимает, — добила Мария Владимировна.

— Извините, — буркнула Жаркова, поспешно бухаясь на место и бросая под ноги рюкзак.

В аудитории повисло почтительное молчание — все остались под сильным впечатлением. Вообще-то Катька никогда за словом в карман не лезла, и поставить ее на место буквально двумя фразами еще никому не удавалось. Вступление было многообещающим.

— Мой предмет поначалу вызывает немало вопросов, — как ни в чем не бывало продолжала Одинокова. — Поэтому сейчас мы проведем небольшой тест, чтобы узнать, насколько хорошо вы ориентируетесь в теме.

По аудитории пронесся еле слышный синхронный вздох, но в открытую возражать никто не решился, опасаясь стать жертвой острой на язык новой преподавательницы. Эх, жаль, Торопова нет! Этот бы явно не постеснялся высказаться насчет теста на первой же лекции.

Но Пашка отсутствовал, и мы послушно приготовили листочки.

— Только попрошу вас телефоны отключить и интернетом не пользоваться, — уточнила Мария Владимировна. — Иначе это не будет иметь смысла. Задание не на оценку и ни к чему вас не обязывает. Тест анонимный, подписать можно по желанию. Мне просто необходимо выяснить уровень ваших знаний и определиться, с чего начинать.

Запищали отключаемые телефоны. Мадам доцент нас буквально загипнотизировала!

— Все готовы? — Она строго глянула на нас и сверилась со своими бумагами. — Тогда записывайте первый вопрос: когда были Средние века?

По аудитории пролетели сдавленные смешки, а вот мне оказалось не до смеха. Ну и когда же были эти несчастные Средние века? Со школьных времен никаких знаний на сей счет в моей голове не задержалось.

Я заглянула в Ленкин листок и с удовлетворением заметила, что она тоже первый пункт пока оставила пустым. Не я одна такая темная и необразованная! Впрочем, разве мы здесь не затем, чтобы учиться? Ходит по соцсетям шутка: мы пришли получать знания, а не отдавать их. А сейчас эти самые знания с нас требуют даже не на зачете или

экзамене, а прямо на первой лекции! Чудовищная несправедливость.

— Как была одета средневековая дама? — продолжила Мария Владимировна.

Смешки стали громче. Похоже, нас ждет веселый семестр!

— Какие произведения средневековой литературы вам известны? — наконец подобралась к сути дела мадам доцент.

Хихиканье смолкло.

— «Песнь о Роланде», — прошелестело по рядам.

Никакого Роланда я знать не знала и гордо не стала записывать его.

— «Песнь о Нибелунгах»! — заметно оживились мои сокурсники.

Кажется, народ украдкой все же включил телефоны и вышел в интернет. По крайней мере, я не представляла, как можно вспомнить подобное самостоятельно. Это название было мне знакомо, но я бы ни за что не раскопала его в памяти, поэтому тоже не стала вносить. Да, я очень честная и принципиальная.

— «Беовульф», — сообразил кто-то.

Про Беовульфа я знала — не читала, конечно, но кино с голой Анджелиной Джоли смотрела. Интересно, это считается или нет?

— Не надо подсказывать, — нахмурилась Одинокова. — Повторяю, тест не на оценку, мне просто нужно представлять уровень ваших знаний. Следующий вопрос: какие события из средневековой истории вам известны?

Я оживилась, внезапно обнаружив в глубинах памяти крестовые походы. Ну и когда они там на-

чались? Вдруг это натолкнет меня на мысль, когда были Средние века? Десятый век, кажется... А еще в Англии случилась война с красивым названием — Алой и Белой розы!

— Кто закончит раньше, может идти, — мило- стиво разрешила Мария Владимировна, закончив диктовать.

Видимо, она хотела несколько сгладить суровое впечатление, которое на нас произвела. Этим немедленно воспользовались несколько человек, небрежно метнув ей на стол свои листки. Мы с Ленкой честно досидели до конца пары. С горем пополам ответив на половину вопросов, я сдала свой тест перед самым звонком.

— Ну и трэш! — прокомментировала Катька, едва Одинокова покинула аудиторию так же величаво, как и появилась. — Что, блин, за валькирия на пенсии?

Однокурсники засмеялись — определение было невероятно точным. Даже я оценила: новая доцент у нас явно не мадам, а фрау. Или это только к замужним обращение? Фрекен Бок, помнится, оказалась не замужем и мечтала выйти за дядю Юлиуса. Тогда правильнее — фрекен?

— Как была одета средневековая дама! — не унималась Катька. — Ну уж явно не в брюки!

— Настоящая леди не раздевается на ходу! — противным голосом передразнил Юрка Рябов, успешно оспаривающий у Торопова звание главного шута на курсе. — Только прямо в спальне!

— Рябов, давно по шее не получал? — с грозным видом двинулась на него Катька.

Она была маленькой и худенькой, и это выглядело особенно комично.

— Ну доставай свой верный меч, — нисколько не испугался тот.

— Охота была об тебя мараться, — презрительно бросила она.

— Ой, простите, миледи! — продолжал кривляться тот. — Последний вопрос: а перчатки вы тоже снимаете только в спальне?

Катька схватила рюкзак наперевес и погналась за Рябовым, они вылетели из аудитории в коридор под смех и улюлюканье.

Я устало вздохнула и поморщилась. После поступления в вуз мне пришлось распрощаться сразу с несколькими иллюзиями. Во-первых, не оправдались мои надежды на резкое поумнение и повзросление окружающего коллектива. Взрослые люди, как же! Со мной рядом сидели те же школьники, причем иногда создавалось впечатление, что даже не из десятого или одиннадцатого класса, а примерно шестого-седьмого.

А во-вторых, со страшным грохотом разбились мечты об увлекательной студенческой жизни. Она оказалась серой и скучной, состоящей в основном из бесконечной зубрежки и чтения-чтения-чтения! Морально я была готова ко всему, но втайне рассчитывала на нечто большее. Где веселые вечеринки, конкурсы, концерты и прочие развлекательные мероприятия? С общественной жизнью на нашем факультете явно не сложилось.

Надеялась я и еще кое на что — романы и свидания, если уж говорить откровенно. В школе у меня с этим не очень удачно сложилось — была

одна история с парнем из параллельного класса¹, которая ничем не закончилась, и я питала тайные надежды на университет. Здесь вроде бы все начиналось довольно неплохо и даже обнадеживало, но и по этой линии случился полный облом...

Вот и оставалось довольствоваться сомнительными шутками однокурсников и редкими перлами, выдаваемыми преподавателями. И, похоже, фрау Одинокова как раз из тех, кто может обеспечить нам отдельное развлечение. Несмотря на напускную суровость и острый язык, на который явно лучше не попадаться, она уже вызывала у меня отчетливую симпатию. Нечасто встретишь среди преподавателей подобных колоритных персонажей! Надо их ценить и беречь, словно исчезающий вид из Красной книги.

¹ Подробнее читайте об этом в книге Анны Антоновой «Лето на Меркурии».

* * *

Ключи в замках загремели совсем близко, и впервые за несколько дней открылось не крохотное окошко, а дверь целиком. Точнее, осторожно приоткрылась, впустив внутрь... нет, не нежданного посетителя, а все тех же стражников. Один из них держал в руках цепи и оковы. Ухмылка искривила его губы: все так просто? Ему дали немного отдохнуть, а теперь снова собрались заковать? Или его ждет суд? Но еще рано, всемирная скорбь не улеглась и не пришло время решать судьбу пленника... Или все-отец торопится?

А может, они все же нашли способ убить его, не дожидаясь суда?

Один из стражников обнажил меч и слегка повел им, не удастая его словами. Он все понял и послушно протянул руки, на которых едва успели померкнуть следы от оков. Но запястья не сковали между собой, а цепями прикрепили к кольцам в стене, разведя их в стороны и заставив его опуститься на пол. Похоже, убивать прямо сейчас не будут, иначе к чему столько приготовлений?

Он опять усмехнулся: его посетитель не слишком храбр и явно хочет, чтобы пленник смотрел на него снизу вверх. Что же, он доставит гостю, кем бы он ни оказался, такое удовольствие.

Впрочем, он уже догадался, кто к нему пожаловал, и почти не удивился, когда дверь открылась чуть шире, пропуская в темницу того, кого он совсем недавно считал своим лучшим другом. Тор пригнул голову, проходя под низким сводом, шагнул внутрь, и в тесной комнатке почти не осталось свободного места.

Он с любопытством наблюдал за лицом друга, с которым они так много пережили вместе, но оно осталось непроницаемым. Громовержец не потрясен его жалким и унижительным положением? А ведь совсем недавно они были по-настоящему близки, как родные братья...

Молчание затягивалось. Тор явился просто посмотреть на него? Словно заметив немой вопрос в его глазах, гость жестом отпустил стражников, замерших по обе руки от пленника. Ему это даже польстило: даже теперь, когда он полностью беспомощен, они боятся его!

Но те не спешили выполнять приказ. Тор снова, уже нетерпеливо, взмахнул рукой, и тогда воины наконец удалились. Тяжелые доспехи гроыхнули, когда они проходили через узкий проем, и дверь захлопнулась, отрезая их от остального мира.

Тор смотрел на своего друга, не решаясь начать разговор, ради которого он пришел сюда. Лицо невинного юноши, длинные светлые волосы, хрупкая фигура. Немудрено, что его любимая жена потеряла голову и позволила Локи остричь ее дивные зо-

лотистые локоны! Тор тогда так разозлился, что готов был собственными руками убить его, если бы только существовала такая возможность.

Как же вышло, что он простил его? Не иначе, Локи навел на него морок! Как и сейчас. Не мог он после стольких дней в заточении выглядеть по-прежнему прекрасно. Это наверняка колдовство, ведь Локи способен на многое.

— Да, я очень понравился твоей жене, — первым нарушил молчание пленник, безошибочно угадав его мысли.

Тор непроизвольно сжал кулаки. Хитрец и обманщик знает, как вывести его из себя! Но, сделав над собой усилие, он тяжело выдохнул и с трудом расправил пальцы, которые словно свело судорогой.

Он понял, чего добивается Локи: хочет, чтобы Тор в гневе ударил его, беспомощного и прикованного к стене. А потом терзал себя угрызениями совести, что поднял руку на слабого и безоружного. Но он не поддастся!

Локи одним взглядом прочитал его внутреннюю борьбу и, тонко усмехнувшись, продолжал:

— Иначе как бы она позволила мне расчесывать свои прекрасные длинные волосы?

Ярость туманила голову до дрожи в напряженных до предела мускулах. Тор шагнул к пленнику, лицо которого болезненно исказилось.

— Ударить меня? Безоружного и скованного? — Локи шевельнул рукой, и цепи послушно звякнули.

Этот негромкий звук показался Тору оглушительным. Он опомнился: нельзя позволять чувствам брать верх над разумом. История с волосами Сиф осталась в прошлом. Локи с лихвой испытил

свою вину, и сейчас нельзя позволить ему снова заморочить голову.

— Она тогда уснула в моих объятиях... — не унимался его бывший друг, и Тор все же не выдержал.

Он был уверен, что ничего подобного никогда не случалось, но не мог стерпеть такое оскорбление. Шагнув к пленнику, он ударил его прямо по ненавистному улыбающемуся лицу. Голова узника мотнулась в сторону, но он сдержал стон.

Вид крови, выступившей на разбитых губах, отрезвил Тора. Он сделал неуверенный шаг назад, с удивлением глядя на собственные руки.

— Вот теперь ты настоящий, — с удовлетворением заметил его бывший друг, странным образом почувствовавший себя хозяином положения. Он опять дернул рукой, и на этот раз Тору показалось, что цепи звякнули издевательски. — Говори, зачем пришел. Я тебя внимательно слушаю.

— Сначала ты скажешь, как тебе удалось сделать это с Сиф, — неожиданно для себя бухнул он.

— О, это было несложно, — усмехнулся Локи. — Понадобилась всего лишь пара заклинаний. Но я не обманул тебя в главном — она всегда была не прочь поболтать со мной. Ведь ты никогда не слыл любителем искусных речей...

Он внимательно наблюдал за гостем, но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Но ни ты, ни твоя жена не должны оставаться на меня в обиде, — продолжал Локи вкрадчивым голосом. — Те волосы из тончайшего золота, которые по моей просьбе выковали цверги, гораздо красивее ее прежних кос. Признайся, друг! Сколько

раз ты думал об этом, перебирая их во время любовных игр?

— Ты больше не вынудишь меня ударить пленного, — проговорил Тор, мрачно взирая на него из-под насупленных бровей.

— Приятно знать, что в минуты ваших ласк я незримо присутствую рядом, — не унимался тот.

— А испытывать боль тебе приятно? — снова начал закипать громовержец.

— Только от руки лучшего друга, — ухмыльнулся Локи. — Но ты же явился не за этим?

Глава 3

Я ПОВЕДУ ТЕБЯ В МУЗЕЙ

Пары подходили к концу, а от Торопова не было никаких вестей. Сам он на лекциях так и не появился, и я слегка приуныла. Не то чтобы сильно жаждала с ним встретиться, но тащиться куда-то вечером из дома ужасно не хотелось. И отказать будет неудобно, если уже дала предварительное согласие.

Сообщение пришло, когда я направлялась в гардероб. «Встретимся у входа в музей современной истории России на Тверской», — писал Пашка.

Ничего себе! На свидание в музей меня еще ни разу не приглашали — обычно дальше кино дело не заходило. Правда, однажды встреча состоялась в планетарии, но по моей инициативе, да и не свидание это было, а скорее встреча со старым другом — тем самым парнем из параллельного класса...

Так, не отвлекаться! Торопов все рассчитал: я как раз успевала к назначенному времени. Накинув плащ, я задержалась перед зеркалом: пусть это почти деловая встреча — внешность всегда имеет